

УДК 314.3+314.04+314.18

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-17-25

ПРОЕКТ «РОДИТЕЛЬСТВО»: МОТИВАЦИЯ, ИЗДЕРЖКИ, ОКУПАЕМОСТЬ И МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ**Р.Д. САРВАРИ***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)***ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3001-1950>**

Статья посвящена анализу исследовательского пробела – недостаточной интеграции экономических и социологических механизмов, направленных на изучение издержек в контексте родительства, а также формирования инструментов индуцирования воспроизводства населения. Статья показывает, каким образом рентабельность проекта «Родительство» сказывается на его инвестиционной привлекательности со стороны прямых участников процесса воспроизводства (родителей ребенка). Цель – выявить экономическую привлекательность проекта «Родительство» через расчет авторского показателя – стоимости приобретения человеческого капитала (Human Capital Acquisition Cost). Методологическая основа: общедоступные источники данных, отражающих демографические и социально-экономические показатели на уровне Республики Беларусь и зарубежных стран. Результаты: проект «Родительство» не обладает признаками инвестиционной привлекательности ввиду долгого периода окупаемости, однако инвестиционное вовлечение прямых и непрямых участников процесса воспроизводства может быть урегулировано через качественный подбор параметров проекта.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке мер семейной и пронаталистской политики, а также в социоэкономических исследованиях труда и демографии. Дальнейшие исследования требуют эмпирической верификации на региональных выборах, включая страны малой экономики, которые близки по социально-экономическому устройству к белорусскому государству.

Ключевые слова: *воспроизводство населения, издержки воспроизводства, механизмы индуцирования рождаемости.*

Введение. Современная социально-экономическая система имеет множество механизмов, позволяющих соблюдать баланс интересов общества на множестве уровней. Говоря о репродуктивной модели, биологическое устройство и преимущество женщин в классическом понимании позволяет им осуществлять функцию воспроизводства напрямую, когда в классическом варианте для рождения ребенка достаточно биологического материала мужчины. Доступ мужчин к воспроизводственной функции ограничен и в классическом понимании является непрямым, так как мужчина не может самостоятельно выносить и родить ребенка, лишь только принимать участие в качестве родителя. На уровне экономики данная модель условно уравнивается посредством неравного доступа женщин к карьерным возможностям, ограничению при трудоустройстве на выбранные специализации, а также, как будет показано в теоретической части исследования, посредством неравной оплаты труда. И, если в одном случае ограничение обусловлено заботой о женщине, ее здоровье для выполнения воспроизводственной функции (ст. 262 Трудового Кодекса Республики Беларусь, а также постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 12.06.2014 г. № 35 (ред. от 06.06.2022 г.)), то в других случаях ограничения отчасти являются пережитком предшествующей исторической модели общественного устройства, которому присущи домохозяйство и социальные роли мужчины и женщины в классическом понимании, когда женщина – супруга, мать детей, а мужчина – супруг, отец детей, принимает роль добытчика в семье. Однако вместе с тем как реализуется процесс демографического и гендерного переходов, следующим образом меняются роли и смещаются обязанности, а именно: мужчина не всегда является основным добытчиком в семье, а женщина не в 100% случаев занимается только домохозяйством и воспитанием детей. В данном контексте, современная белорусская социально-экономическая модель ориентирует оба гендера (мужчин и женщин) на равноправие в части доступа к образованию, здравоохранению, оплачиваемому труду, карьерным возможностям. Тем не менее в силу исторических, ментальных, культурных и биологических особенностей данная модель реализации прав и функций производства и воспроизводства ограничена по обе стороны гендера.

В данном контексте подчеркивается, что цель исследования заключается не в обсуждении моральной справедливости распределения ролей, а в указании на необходимость пересмотра модели индуцирования рождаемости в условиях современной гендерной экономики. Как следствие актуальным является представление модели регулирования воспроизводства и процесса его индуцирования, а также институциональной модели и ее участников. В этой связи проект «Родительство» представляет собой трехсторонний договор между прямыми участниками процесса (родители ребенка) и непрямые участники – заинтересованными сторонами (государство и рынок труда в лице работодателя). Научное обоснование представлено теоретическим анализом существующих подходов к изучению демографических процессов и издержек воспроизводства, а также аналитической частью и авторской экономической моделью оценки НСАС (human capital acquisition cost – англ. ‘стоимость приобретения человеческого капитала’). Сформулированные выводы позволяют выявить некоторые из множества барьеров (в том числе экономических), препятствующих росту воспроизводства, а также оценить рентабельность проекта «Родительство», основные составляющие и возможные детерминанты процесса индуцирования в трехстороннем воспроизводственном договоре.

Основная часть. Для целей теоретического анализа изучены отечественные и зарубежные исследования по теме воспроизводства, мотивации данного процесса и демографического анализа. Существует множество подходов к анализу причинно-следственных связей и зависимостей в теории воспроизводственного поведения. Настоящее исследование не ориентируется на систематизацию и структурирование теории, а призвано выявить тенденции в демографических вопросах, что в последующем станет базисом обоснования институциональной модели индуцирования воспроизводства населения.

Гендерное распределение социальных функций формировалось исторически и отражает смену хозяйственных укладов и норм солидарности: движение от племенных форм к домохозяйству, от коллективистских ценностей к индивидуализму задавало рамку для организации родительской занятости и распределения времени между уходом и оплачиваемой деятельностью [1]. В этой рамке конфликт между трудом и созданием семьи становится ключевым фактором, влияющим на демографические исходы: чем выше напряжение между карьерными требованиями и репродуктивными планами, тем заметнее сдерживается деторождение [2]. Соответственно, институциональные решения (симметричные непереходимые отпуска для обоих родителей и адекватные денежные выплаты) рассматриваются как инструмент выравнивания возможностей матери и отца, а также как частичная компенсация альтернативных издержек, возникающих при рождении ребенка. Однако прямая бюджетная поддержка, ограниченная ранними годами жизни ребенка, неизбежно сталкивается с фактом длительной финансовой и эмоционально-психологической нагрузки, которую несут родители вплоть до взрослости детей. Государственная компенсация при этом остается слабо чувствительной к различиям в траекториях инвестиций в человеческий капитал потомства: семьи, ориентирующиеся на высококвалифицированное образование и длительный период подготовки, фактически субсидируют будущие общественные выгоды в том же объеме, что и семьи с иными образовательными приоритетами. Следовательно, вопрос о справедливом распределении издержек и выгод родительской работы выходит за пределы раннего детства и требует переосмысления принципов адресности социальной политики.

С теоретической точки зрения выбор в пользу рождения и воспитания детей разворачивается в условиях жестких ограничений времени и бюджета: ресурсы, потраченные на одну цель, недоступны для другой, поэтому индивиды неизбежно заключают компромиссы между самоинвестированием, текущим поддержанием жизни и будущим воспроизводством [3; 4]. Эти компромиссы модифицируются как индивидуальными характеристиками (вплощенный капитал, здоровье), так и параметрами среды, например, неопределенностью и дефицитом ресурсов [5]. На макроуровне исходы таких частных балансировок проявляются через экономику безвозмездной домашней занятости, где значительная часть ухода (от приготовления пищи до заботы о детях и пожилых) выполняется женщинами и остается невидимой в национальных счетах. Впоследствии, как показывают оценки международных организаций, неучтенный неоплачиваемый труд снижает наблюдаемую производительность и темпы роста; в противовес, более равномерное распределение такого труда повышает эффективность использования рабочей силы и способствует экономическому расширению [6]. Тем самым сокращение временных затрат на домашний уход закономерно связано с увеличением участия женщин в рынке труда, а спектр потребностей домохозяйства (количество малолетних, больных и престарелых) обратно коррелирует с их экономической активностью [7].

На уровне рынка труда гендерная асимметрия проявляется в разрывах между показателями занятости, оплаты труда и дискриминационных практик [8]. При этом гендерная сегрегация и дифференциалы зарплаток одновременно поддерживают зависимость женщин и сужают поле их экономического влияния [9]. Некоторые эмпирические исследования фиксируют устойчивые компоненты потерь, например, штраф материнства, цена быть женщиной и премия отцу [10; 11]. В то время как выбор неполной занятости и увеличение времени ухода (неоплачиваемый труд) ограничивают карьерный рост и доходы, усиливая альтернативные издержки инвестиций в качество человеческого капитала ребенка [12]. Дополнительно склонность работодателей минимизировать социальные обязательства по репродуктивной функции повышает риски безработицы у молодых, особенно бездетных, женщин [13]. При этом международные сопоставления показывают, что степень разрывов варьируется институционально, например, в Скандинавии они ниже за счет высокой занятости женщин, тогда как в странах Центрально-Восточной Европы наблюдается меньшая разница в рабочих часах, что нивелирует часть разрывов [14].

В связи с указанным и для целей выявления зависимости с демографическим поведением полезно обратиться к существующим теоретическим моделям. В данной теме различают несколько стратегий, среди которых «медленные» стратегии – крупные вложения в развитие потомства с фокусом на его качество, и «быстрые» – раннее деторождение с фокусом на количество с меньшими инвестициями на ребенка [15–18]. В связи с этим теория запланированного поведения объясняет, как установки, социальное одобрение и воспринимаемый контроль формируют намерения и, в конечном счете, поступки [19; 20; 15; 21]. В свою очередь теория управления страхом подчеркивает стремление к бессмертию через культурные и биологические механизмы [22; 23], а гипотеза наследственной конкуренции описывает замену генетического наследия карьерой и богатством [24–26]. Наконец, «династические» и контрактные семейные модели фокусируются на межпоколенческих трансфертах, показывая, как публичные пенсии могут вытеснить частную поддержку и, тем самым, влиять на фертильность [27]. Совокупность всех этих факторов показывает, что стоимость времени, нормативные ожидания и конфигурация институтов напрямую встраиваются в индивидуальные репродуктивные решения, меняя нормы и ценности, а, следовательно, и динамику воспроизводства [28].

Как демонстрируют современные исследования, нормы и ценности усиливают или смягчают описанные выше механизмы воздействия на воспроизводственное намерение и поведение. В одних обществах религиозно

закрепленная модель «Мужчина-кормилец, женщина-хранительница домашнего очага» сохраняет разделение домашних обязанностей. В других религиозных устройствах утверждается более симметричное участие мужчины и женщины в разделении обязанностей в системе работа – дом. При этом, несмотря на культурное разнообразие, глобальная картина остается схожей, например, женщины несут большую часть неоплачиваемого и неучтенного труда [29]. Во многом именно от того, будет ли эта часть нагрузки перераспределена и обеспечена соответствующей инфраструктурой, зависит, трансформируется ли рост женской занятости в сокращение инвестиций в человеческий потенциал или, напротив, положительно скажется на росте рождаемости [30]. В дополнение, международные обзоры подтверждают, что в странах с низким доходом преобладают стратегии совмещения неформальной занятости и неоплачиваемого труда, в то время как в экономиках среднего уровня неравенство и раннее материнство способствуют дисбалансу, а в богатых странах социальная защита повышает баланс распределения обязанностей в контексте дом – работа, хотя и не устраняет связанные с этим перерывы в карьере [31; 32].

Следуя логической цепи исследования теории воспроизводства, стоит отметить важность зависимости микромеханизма фертильности от качества партнерства и семейных связей. Для примера, поддерживающие отношения и вовлеченность партнера в воспитание детей усиливают позитивное отношение к беременности внутри семьи, а территориальная близость с родителями и доступ ко времени бабушек и дедушек чаще оказываются важнее финансовых трансфертов [33–38]. При этом субъективная высокая стоимость детей (как прямая, так и альтернативная) ассоциирована с более поздними первыми родами и меньшим числом детей, тогда как культурная поддержка родительства частично гасит карьерные конфликты [39–41]. Здесь стоит отметить важность мотивации, которая носит краткосрочный характер, однако имеет место в процессе воспроизводства. Положительные мотивы усиливают отклик на медицинские и отпускные меры, тогда как отрицательная мотивация снижает чувствительность к денежным и жилищным стимулам [42–43].

В заключение теоретической части анализа важно отметить эмпирическую составляющую, которая фиксирует перевернутую J-образную связь между гендерным равноправием и фертильностью, когда при частичном распространении гендерной паритетности деторождение снижается, а при полном охвате институтов и домохозяйств вновь растет [44]. Этот результат, однако, следует учитывать вместе с биологической асимметрией репродуктивной функции, когда окно фертильности женщин ограничено, а пики карьерной конкуренции приходится на те же годы. Как следствие, даже при формальном равном доступе к профессиональным возможностям альтернативная стоимость материнства остается высокой [45].

Данные и методика исследования. Для целей проведения исследования использовались общедоступные источники данных, среди которых:

- демографические и социально-экономические показатели, оцениваемые в регулярных ежегодных статистических сборниках Национального статистического комитета Республики Беларусь;
- статистика открытого доступа Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР);
- данные и метаданные Глобального отчета о гендерном разрыве за 2024 год по методологии Всемирного экономического форума;
- статистика открытого доступа Европейского института гендерного равенства;
- данные World Bank;
- данные регулярной ежегодной статистической отчетности ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин («ООН – женщины»).

Модель. На основании теоретической части исследования проведен анализ распределения гендерных ролей в производственной и воспроизводственной функциях по выбранным странам (а именно, Швеция, Германия, Франция, Израиль, Венгрия, Великобритания, Польша, Испания, Иран). Шкала от 0 до 1 отражает относительный уровень участия (0 – минимальное участие, 1 – максимально возможное). На столбчатой диаграмме (рисунок 1) представлены результаты оценки.

В большинстве анализируемых стран мужчины устойчиво доминируют в производственных функциях, тогда как женщины чаще вовлечены в воспроизводственные функции. При этом наиболее сбалансированное распределение гендерных ролей наблюдается в странах Западной Европы (Швеция, Германия, Франция, Великобритания), где показатели женщин и мужчин по обеим функциям близки друг к другу. В то же время в странах Центральной и Восточной Европы (Венгрия, Польша) фиксируется заметное смещение показателей, когда женщины сильнее связаны с воспроизводственными функциями, а мужчины больше вовлечены в производственную сферу. На примере Испании и Израиля видно, что население занимает промежуточное положение, демонстрируя тенденцию к постепенному выравниванию ролей мужчин и женщин. На фоне Европейских стран Иран выделяется наибольшей асимметрией: мужчины почти полностью доминируют в производственных функциях, а женщины представляют исключительно воспроизводственную функцию.

Для целей репрезентативности выводов проанализирована статистика уровня вовлеченности женщин в рабочую силу. Во внимание приняты данные Мирового Банка (World Bank). Так, в 2024 г. глобальное соотношение участия женщин к мужчинам в рабочей силе составило 69,65%, что указывает на сохраняющийся гендерный дисбаланс в мировой экономике. Среди стран с наибольшим гендерным равенством выделяются Израиль (91,03%), Швеция (90,43%), Франция (86,76%), Великобритания (86,41%) и Испания (84,28%). Германия (83,88%) и Беларусь (81,07%) также демонстрируют высокий уровень участия женщин. Венгрия (79,39%), Российская Федерация (79,35%) и Польша (77,98%) занимают промежуточные позиции, тогда как Италия (70,41%)

лишь незначительно превышает мировой средний показатель. Наиболее низкий уровень занятости женщин зафиксирован в Иране (20,28%), что указывает на глубокие гендерные различия в доступе к трудовой деятельности.

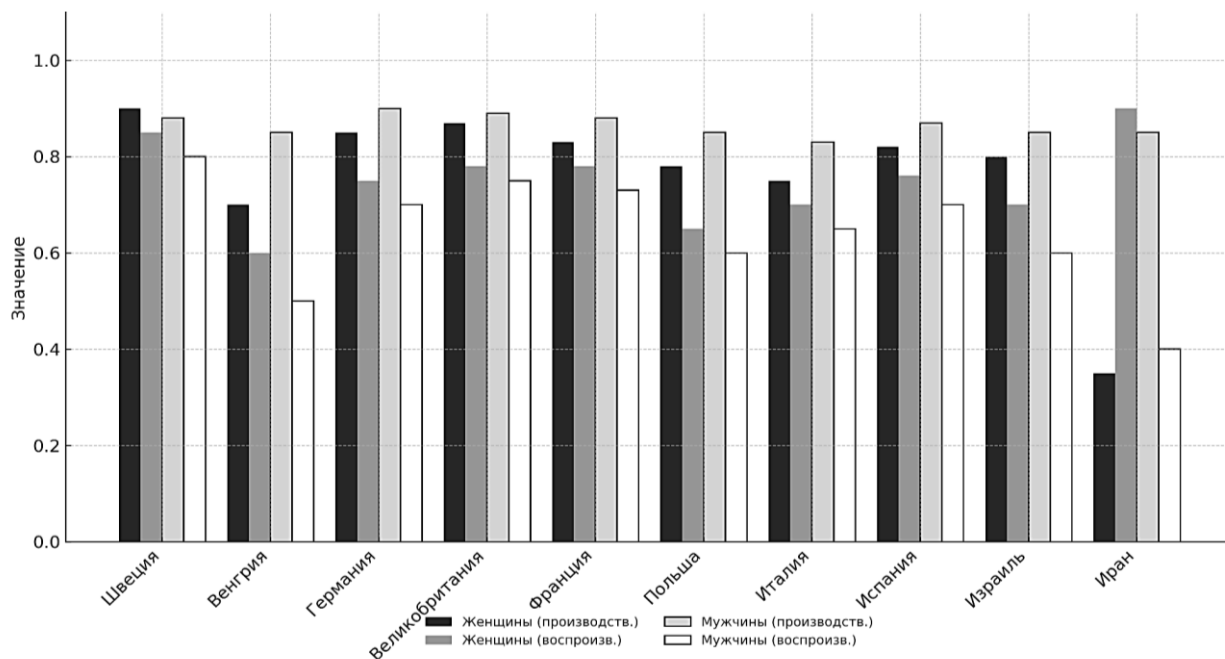

Рисунок 1. – Распределение гендерных ролей по странам

Анализ показателей фертильности за период 1960–2024 гг. представлен на рисунке 2.

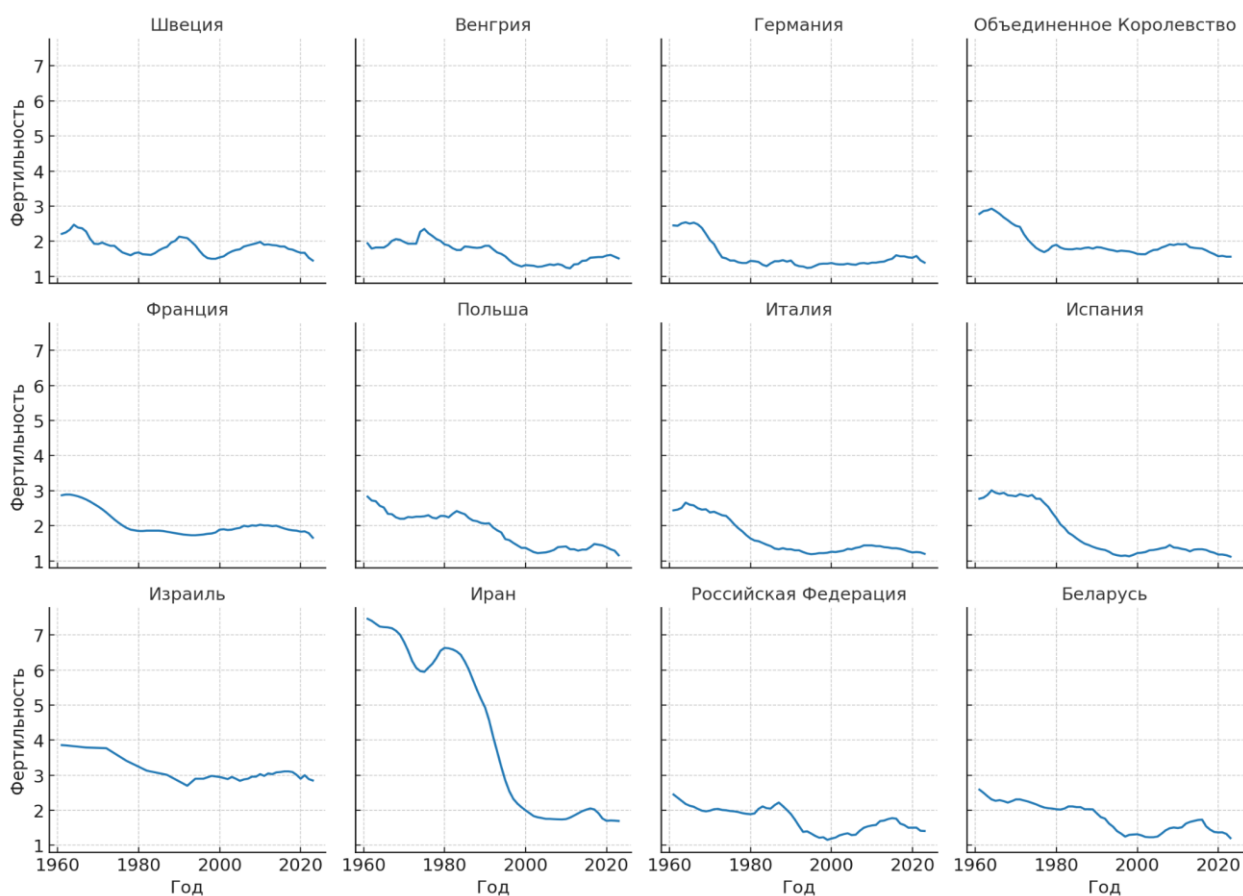

Рисунок 2. – Динамика показателей фертильности по выборке стран (Швеция, Венгрия, Германия, Объединенное Королевство, Франция, Польша, Италия, Испания, Израиль, Иран, Российская Федерация, Беларусь) за период 1960 – 2024 гг.

Данные наглядно подтверждают общеевропейские тенденции в отношении суммарного коэффициента рождаемости (см. рисунок 2). Например, в Российской Федерации и Беларуси в период 1961–2023 гг. показатель снижается и располагается ниже уровня простого воспроизводства. Примечателен факт, что оба государства повторяют схожую траекторию в динамике показателя, когда всплеск рождаемости в конце 1980-х сменился его резким падением в 1990-е гг. и далее наблюдается кратковременный подъем в 2010-е гг. с последующим снижением до 2023 г. Вместе с тем современные показатели Беларуси сопоставимы с низкими значениями в Италии и Испании, в том время как динамика Российской Федерации (1,41) остается чуть выше средневропейского уровня. В сравнении с европейскими странами на контрасте сильно выделяются азиатские страны, такие как Израиль (2,85), Иран (показатель снизился с более 7 детей до менее 2 детей за анализируемый период). Кроме того, эмпирический анализ дисперсии и конвергенции на выбранных показателях показал существенное сокращение разброса в индикаторе фертильности между изучаемыми странами. Для примера предлагается взять период после 2020 г., за который фертильность в указанных странах сократилась почти втрое. Исходя из этой динамики отмечается глобальное выравнивание демографических показателей, что, с другой стороны, подчеркивает значимость все нарастающей проблемы снижения популяции населения и показателя воспроизводства.

В современной экономической системе, где присутствует свободный доступ к знаниям, ресурсам и информации, модель воспроизводства больше не может быть основана исключительно на социальных интересах индивидов и государства. К потребностям общества такая модель должна добавить инвестиционную выгодность проекта под названием «Родительство». Иными словами, воспроизводственная модель, на наш взгляд, должна учитывать три стороны процесса (прямые и косвенные участники): родитель, работодатель и государство. Каждая из сторон несет издержки и получает бенефиты в долгосрочной и краткосрочной перспективе от участия (косвенного или прямого) в процессе воспроизводства. При этом стимулирование воспроизводства в такой модели основано на прозрачности мотивации трехстороннего договора между родителем, работодателем и государством, а сама модель ориентирована на рост показателя фертильности. Важно, что итоговый оцениваемый показатель в матричных расчетах – Human Capital Acquisition Cost (с англ. ‘Стоимость приобретения человеческого капитала’). Через расчеты аргументируется стоимость человеческого капитала и базовые стимулы роста показателя фертильности. В будущем данная модель может корректироваться как на уровне региона (мезоуровень), так и на уровне страны (макроуровень). Модель также может видоизменяться в зависимости от потребностей экономики, социальной политики, а также географической зоны применения. Гибкий подход, предложенный в модели, позволяет направлять показатель воспроизводства через его стоимость и регулировать посредством ориентации на инвестиционную выгоду, выражаемую в долгосрочной прибыли для каждой из сторон трехстороннего договора. Важно отметить отсутствие привязки к полу: родителем-выгодоприобретателем в авторской модели может выступать как отец (мужчина), так и мать (женщина) ребенка. При этом могут быть рассмотрены множественные сценарии родительства, например, когда у ребенка имеются оба родителя или когда один из родителей отсутствует в принципе или не участвует в воспитании ребенка по объективным причинам (не реализует функцию эксплуатации).

Для целей настоящего исследования автор принимает во внимание сценарий одиночного воспитания ребенка, когда в воспроизводстве участвуют оба родителя, но бремя эксплуатации возлагается на одного из них. Данная авторская позиция имеет статистическую обоснованность: в виду снижения ценности брака как семейного института (например, в Республике Беларусь показатель брачности в 2024 г. составлял 46,2 тыс. браков, что более чем в 2 раза меньше соответствующего показателя в 1990 г. и на 17,5% меньше показателя 2023 г.); дисбаланса в численности мужчин и женщин (например, в Республике Беларусь 54% населения составляют женщины. Показатель стабилен с 2020 по 2024 год. В предыдущие годы наблюдалось небольшое изменение в сотых долях в численности мужчин, что несущественно для авторского анализа), снижение уровня рождаемости объективно приводит к необходимости отвязки института родительства от создания семьи или партнерства для воспроизводства. Потребность реализации в роли родителя – это исключительное право каждого гражданина, которым он свободен воспользоваться и реализовать вне привязки к наличию стабильного и/или платежеспособного партнера. Поддерживающими сторонами в процессе выступают заинтересованные стороны договора – работодатель и государство – каждый из которых, в свою очередь, приобретает свой перечень выгод от поддержки воспроизводства.

Для проведения моделирования на основе авторского подхода был принят во внимание показатель номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников Республики Беларусь в 2024 году. Он выступает индикатором финансовой оценки труда родителя в стране, а также выражает средние издержки родительства в случае рождения ребенка и необходимости оформления отпуска по уходу за ребенком.

Как показывают данные таблицы 1, при распределении издержек воспроизводства между государством и работодателем в первый год предлагается следующая модель. Государственные институты компенсируют родителю 80% от средней заработной платы по региону. Остальные 20% списываются с баланса работодателя родителя. При этом данный механизм учитывает различия в уровне оплаты труда, а именно, если фактическая заработная плата превышает среднерегиональный показатель, то возникающую разницу покрывает работодатель, в противном случае, если заработная плата ниже регионального среднего уровня, возникает необходимость разработки дополнительных компенсаторных механизмов. В этом случае требуется определить субъект компенсации (государство или работодатель), а также степень и форму покрытия данной разницы.

Таблица 1. – Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников Республики Беларусь в 2024 году по регионам, BYN¹

Регион	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
Среднемесячная заработная плата	1989,20	1899,60	2016,60	2010,00	3024,70	2286,80	1895,1
Итого за 12 мес.	23870,40	22795,20	24199,20	24120,00	36296,40	27441,60	22741,2
Годовые отчисления государства, 80%	19096,32	18236,16	19359,36	19296,00	29037,12	21953,28	18192,96
Годовые отчисления работодателя, 20%	4774,08	4559,04	4839,84	4824,00	7259,28	5488,32	4548,24
Средний показатель затрат по всем регионам за 12 мес.			2160,29				
Предполагаемые годовые отчисления государства, от среднего показателя, 80%			20 738,74				
Предполагаемые годовые отчисления работодателя, от среднего показателя, 20%			5184,69				

Следующий этап моделирования предполагает оценку периода реализации функции эксплуатации родителем и среднюю стоимость данного труда – базовые издержки родительства. Здесь автор не учитывает дополнительные издержки (ввиду отсутствия единого подхода к расчетам и высокой индивидуализации каждого отдельного родителя по уровням образования, карьерного и финансового статуса на момент рождения ребенка), которые родитель может нести в период воспитания ребенка с 1 года до 18 лет (до достижения им совершеннолетия с целью сепарации как в легальном, так и финансовом смысле). К данным вторичным издержкам могут быть отнесены карьерные потери, энергетические потери, а также другие финансовые и нефинансовые издержки. Для базовых расчетов автором принят во внимание бюджет прожиточного минимума в Республике Беларусь на период 2025 года.

Таблица 2. – Бюджет прожиточного минимума в Республике Беларусь на период 2025 года и затраты родителя в оцениваемый период воспитания ребенка, BYN²

Количество лет	18	
Количество месяцев в году	12	
Количество месяцев за 18 лет	216	
Бюджет прожиточного минимума 2025 год		
до 3 лет	301,5	
от 3 до 6 лет	406,1	
от 6 до 18 лет	476,97	
Итого затраты родителя в разрезе лет ребенка		Количество месяцев в периоде
до 3 лет	10 854	36
от 3 до 6 лет	14 619,6	36
от 6 до 18 лет	68 683,68	144
Итого базовые затраты родителя за 18 лет		
		94 157,28

Как видно по данным таблицы 2, на протяжении всего периода взросления ребенка родитель несет базовые затраты в материальном выражении, максимум по которым достигается в промежуток с 6 до 18 лет. В данном случае автором принимается во внимание удовлетворение базовых потребностей ребенка, в то время как необходимость дополнительной инвестиции в качество человеческого капитала (дополнительно образование или навыки) оценивается и спонсируется самим родителем. При таком подходе проект «Родительство» – инвестиционный проект, ROI (Return on Investments, с англ. ‘Возврат на инвестиции’), регулируемый родителем индивидуально в зависимости от ожидаемых будущих компенсаций (возврата на инвестиции). Формой данной компенсации автором предлагается рассматривать родительскую пенсию, которая формируется из отчислений с заработной платы ребенка, начиная с его первого рабочего дня. Процент таких выплат носит фиксированный характер, а итоговое материальное выражение напрямую зависит от а) стоимости человекокапитала ребенка – уровень оплаты его труда, б) мотивации со стороны ребенка отчислять больший процент родителю, с) мотивации и предпосылок со стороны родителя получать больший процент отчислений в родительскую пенсию.

Для моделирования родительской пенсии взяты в расчет показатели номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников Республики Беларусь в 2024 году в разрезе сфер труда³. Последующий этап –

¹ Источник данных – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/stoimost-rabochey-sily/godovye-dannye/nominalnaya-nachislennaya-srednemesyachnaya-zarabotnaya-plata-po-oblastyam-i-g-minsku/>.

² Источник данных – URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2025/july/89643/>.

³ URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/stoimost-rabochey-sily/godovye-dannye/nominalnaya-nachislennaya-srednemesyachnaya-zarabotnaya-plata-po-oblastyam-i-g-minsku/>.

общий расчет Human Capital Acquisition Cost (далее – HCAC) для участников трехстороннего договора воспроизводства (таблица 3).

Таблица 3. – Расчет HCAC для участников трехстороннего договора воспроизводства

Показатели за период	Затраты	Форма ROI
Со стороны работодателя, 12 мес., BYN	5184,69	Лояльность родителя как работника + наполнение рынка труда человеком капиталом + льготы и компенсации со стороны государства за поддержку воспроизводства и др.
Со стороны государства, 12 мес., BYN	20 738,74	Налоги и др.
Со стороны родителя, 18 лет, BYN	94 157,28	Отчисления в родительскую пенсию и др.

Примечание – данные для расчетов взяты с таблиц 1, 2.

Таким образом, формой ROI в рамках договора родительства для трех сторон выступает множество бенефитов, которое не ограничивается в материальном выражении и может видоизменяться в зависимости от социальных и экономических потребностей/возможностей региона.

В дальнейшем с целью прикладной оценки выгодности проекта родительства рассчитывается срок его окупаемости для родителя. Для расчетов приняты средние показатели отчислений в родительскую пенсию по Республике Беларусь (см. таблицу 3).

Общие инвестиции на момент расчетов (I_0) = 94 157,28 BYN (см. таблицы 2, 3). Ежемесячный денежный поток (CF) в % от суммы номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников Республики Беларусь в 2024 году составил 2288,6 BYN по каждому сценарию:

Сценарий 1% $CF = 22,9$ BYN

Сценарий 2% $CF = 45,8$ BYN

Сценарий 5% $CF = 114,4$ BYN

Накопленный поток по месяцам ($CUMt$) рассчитывается по формуле (1):

$$CUMt = t \cdot CF, \tag{1}$$

где t – номер периода, мес.;

CF – ежемесячный денежный поток отчислений (инвестиций) в родительскую пенсию, ден. ед.

Период окупаемости (PP) – момент, когда $CUMt \geq I_0$. Так как поток предполагается постоянным, расчет периода окупаемости производится по следующим формулам:

1) в месячном выражении $PP = I_0 / CF$;

2) в годовом выражении PP , лет = $PP / 12$.

Таблица 4 – Результаты расчетов периодов окупаемости проекта родительства в зависимости от процентного выражения отчислений в родительскую пенсию⁴

Сценарий родительской пенсии	PP месячный, мес.	PP годовой, лет
1%	4111,67	342,64
2%	2055,84	171,32
5%	823,05	68,59

Результаты исследования. Проведенные расчеты показали, что при исходных параметрах проект «Родительство» не обладает признаками инвестиционной привлекательности, так как срок его окупаемости в зависимости от рассматриваемого сценария составляет от 68,6 лет (при доходности 5%) до 343 лет (при доходности 1%) с момента рождения ребенка. Таким образом, даже в наиболее благоприятном сценарии период возврата инвестиций остается чрезмерно продолжительным и значительно превышает экономически приемлемые горизонты планирования (ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Республике Беларусь по данным Национального статистического комитета в 2024 году составляет 74,7 года). Это позволяет сделать вывод о нецелесообразности реализации проекта в текущей конфигурации. Для обеспечения приемлемого уровня эффективности с меньшим сроком окупаемости автор рассматривает множество вариантов, среди которых как существенное увеличение ежемесячного чистого денежного потока (отчислений в родительскую пенсию), сокращение первоначальных капитальных вложений (затраты на ребенка), дополнительная компенсация со стороны других участников трехстороннего договора в проекте родительство (государство и работодатель), так и другие, более кастомизированные конфигурации, которые будут рассмотрены на следующем этапе данного научного исследования.

Заключение. В контексте проведенного исследования представлено несколько вариаций «кэшбека» за родительский труд, срок возврата которых показан в различных вариациях и зависит от множества составляющих. Высокий срок окупаемости негативно сказывается на выгодности проекта «Родительство», однако является регулируемым как прямыми, так и косвенными участниками процесса воспроизводства. Со стороны родителя для

⁴ URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/stoimost-rabochey-sily/godovye-dannye/nominalnaya-nachislennaya-srednemesyachnaya-zarabotnaya-plata-po-oblastyam-i-g-minsku/>

снижения порога возврата инвестиций рождение ребенка должно осуществляться в более раннем возрасте. Другим сценарием является количественное выражение затрат на воспитание и развитие ребенка, когда формула возврата регулируется через уменьшение затратной части проекта. Третьим вариантом является повышение коммерческой выгоды проекта посредством простого увеличения отчислений в родительскую пенсию либо через комбинацию качественного роста инвестиции для повышения человеческого капитала ребенка и будущего увеличения возврата в родительскую пенсию как в процентном, так и в натуральном выражении. Со стороны неярких участников процесса при этом могут быть рассмотрены множественные сценарии родительства, например, когда у ребенка имеются оба родителя или когда один из родителей отсутствует в принципе или не участвует в воспитании ребенка по объективным причинам (не реализует функцию эксплуатации). При этом данный механизм учитывает различия в уровне оплаты труда, а именно, если фактическая заработная плата превышает среднерегиональный показатель, то возникающую разницу покрывает работодатель, в противном случае, если заработная плата ниже регионального среднего уровня, возникает необходимость разработки дополнительных компенсаторных механизмов. В этом случае требуется определить субъект компенсации (государство или работодатель), а также степень и форму покрытия данной разницы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пшеничникова М.М. Родительский труд как объект экономического анализа // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 39(204). – С. 23–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roditelskiy-trud-kak-obekt-ekonomicheskogo-analiza/viewer>.
2. Багирова А.П., Бледнова Н.Д., Нецатаев А.В. Факторное моделирование мнений российских родителей о влиянии системы отпусков по уходу за ребенком на рождаемость // Население и экономика. – 2024. – № 8(2). – С. 97–113. DOI: <https://doi.org/10.3897/pepecon.8.e106333>.
3. Stearns S. C. Trade-offs in life-history evolution // Functional ecology. – 1989. – Vol. 3/ – P. 259–268. DOI: <https://doi.org/10.2307/2389364>.
4. Death, hope, and sex: life-history theory and the development of reproductive strategies [and comments and reply] / J. S. Chisholm, P. T. Ellison, J. Evans et al. // Current anthropology. – 1993. – № 34. – P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1086/204131>
5. Ellis B. J., Figueredo A. J., Brumbach B. H., Schlomer G. L. Fundamental dimensions of environmental risk // Human nature. – 2009. – Vol. 20. – P. 204–268. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12110-009-9063-7>.
6. Подольная Н.Н. Экономическая пассивность населения на рынке труда // Экономический анализ: теория и практика. – 2015. – № 14. – С. 38–45.
7. Винокуров Е.Ф., Винокурова Н.А. Предложение на российском рынке труда: гендерный аспект // Народонаселение. – 2021. – Т. 24, № 3. – С. 191–205. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.15>.
8. Леонова В.А., Никулина И.Е. Развитие гендерных подходов в экономике труда // Экономика труда. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 25–44. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.12.1.122482>
9. Колянов А.Ю. Профессиональная гендерная сегрегация в научном дискурсе: тенденции и противоречия // Дискурс. – 2023. – Т. 9, № 6. – С. 90–100. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-90-100>
10. Goldin C. Understanding the Economic Impact of COVID-19 on Women // NBER. – 2022. – P. 65–139. DOI: <https://doi.org/10.3386/w29974>.
11. Baizan P., Arpino B., Delclòs C-E. The Effect of Gender Policies on Fertility: The Moderating Role of Education and Normative Context // European Journal of Population. – 2016. – Vol. 32. – P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-015-9356-y>.
12. Воронов Ю.П. Женщина в семье и на рынке труда (о Нобелевской премии по экономике в 2023 г.) // ЭКО. – 2024. – № 1. – С. 246–256. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-1-246-256>.
13. Панов А.М. Гендерный анализ российского рынка труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3(33). – С. 235–247.
14. Hipp L., Kelley K. Gender differences in paid work over time: Developments and challenges in comparative research // PLoS ONE. – 2025. – 20(5). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0322871>.
15. Philipov D. The effect of competing intentions and behaviour on short-term childbearing intentions and subsequent childbearing // European Journal of Population. – 2009. – Vol. 25. – P. 525–548. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9197-7>
16. Kariman N., Simbar M., Ahmadi F., Vedadhir A. A. Concerns about one's own future or securing child's future: paradox of childbearing decision making // Health (NY). – 2014. – Vol. 6. – P. 1019–1029. DOI: <https://doi.org/10.4236/health.2014.610128>.
17. Langdrige D., Sheeran P., Connolly K. Understanding the reasons for parenthood // Journal of reproductive and infant psychology. – 2025. – Vol. 23. – P. 121–133. DOI: <https://doi.org/10.1080/02646830500129438>.
18. Mayer B., Trommsdorff G. Adolescents' value of children and their intentions to have children: a cross-cultural and multilevel analysis // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2010. – Vol. 41. – P. 671–689. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022022110372195>.
19. Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational behavior and human decision process. – 1991. – Vol. 50. – P. 179–211. DOI: [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T).
20. Ajzen I., Klobas J. Fertility intentions // Demographic research. – 2013. – Vol. 29. – P. 203–232. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.8>.
21. Miller W. B. Why some women fail to use their contraceptive method: a psychological investigation // Family Planning Perspectives. – 1986. – Vol. 18. – P. 27–32. DOI: <https://doi.org/10.2307/2135198>.
22. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. The causes and consequences of a need for self-esteem: a terror management theory // In Public self and private self (ed. Baumeister R.F.). Springer, 1986. – P. 189–212.
23. Zhou X., Liu J., Chen C., Yu Z. Do children transcend death? An examination of the terror management function of offspring // Scandinavian journal of psychology. – 2008. – Vol. 49. – P. 413–418. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2008.00665.x>.
24. Aarssen L. Explaining below-replacement fertility and increasing childlessness in wealthy countries: legacy drive and the 'transmission competition' hypothesis // Evolutionary Psychology. – 2006. – Vol. 4. – P. 290–302. DOI: <https://doi.org/10.1177/147470490600400125>.

25. Aarssen L., Altman S. Fertility preference is inversely related to 'legacy drive' in women, but not in men: interpreting the evolutionary roots, and future, of the 'childfree' culture // *Open Behaviour. Science.* – 2012. – Vol. 6. – P. 37–43. DOI: <https://doi.org/10.2174/1874230001206010037>.
26. Kaplan H., Lancaster J. B., Tucker W. T., Anderson K. G. Evolutionary approach to below replacement fertility // *American Journal of Human Biology.* – 2002. – Vol. 14. – P. 233–256. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajhb.10041>.
27. Boldrin M., Nardi M., Jones J.E. Fertility and Social Security // *Journal of Demographic Economics.* – 2005. – Vol. 81(3). – P. 261–299.
28. Kagitcibasi C., Ataca B. Value of children and family change: a three-decade portrait from Turkey // *Applied psychology.* – 2005. – Vol. 54. – P. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2005.00213.x>.
29. Seedat S., Rondon M. Women's wellbeing and the burden of unpaid work // *BMJ.* – 2021. – 374(1972). DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.n1972>.
30. Braunstein E., Seguino S., Altringer L. Estimating the role of social reproduction in economic growth // *Care, work and the economy. (CWE-GAM working paper series).* – 2019. – Vol. 19-02. – 42 p. DOI: <https://doi.org/10.17606/rv6p-6f66>.
31. Finlay J. Women's reproductive health and economic activity: A narrative review // *World Development.* – 2021. – Vol. 139. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105313>.
32. Ильвес Э.В. Родительский труд как неустойчивая занятость: принципы оценки // *Экономика труда.* – 2017. – Т. 4, № 3. – С. 257–272. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.4.3.38322>.
33. Newson L., Postmes T., Lea S. E. G., Webley P., Richerson P. J., Mcelreath R. Influences on communication about reproduction: the cultural evolution of low fertility // *Evolution and Human Behavior.* – 2007. – Vol. 28. – P. 199–210. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2007.01.003>.
34. Wilson E. K., Koo H. P. The relationship context: its effects on low-income women's desire for a baby // *Journal of Marriage and Family.* – 2006. – Vol. 68. – P. 1326–1340. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2006.00331.x>.
35. Carter M., Kraft J. M., Hock-Long L., Hatfield-Timajchy K. Relationship characteristics and feelings about pregnancy among Black and Puerto Rican young adults // *Perspectives on sexual and reproductive health.* – 2013. – Vol. 45. – P. 148–156. DOI: <https://doi.org/10.1363/4514813>.
36. Rijken A. J., Thomson E. Partners' relationship quality and childbearing // *Social science research.* – 2011. – Vol. 40. – P. 485–497. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.10.001>.
37. Chipman A., Morrison E. Family planning: fertility and parenting ideals in urban adolescents // *Archives of Sexual Behavior.* – 2014. – Vol. 44. – P. 695–703. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10508-013-0254-2>.
38. Waynforth D. Grandparental investment and reproductive decisions in the longitudinal 1970 British cohort study // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences.* – 2012. – Vol. 279. – P. 1155–1160. DOI: <https://doi.org/10.1098/rspb.2011.1424>.
39. Straits B. C. Factors influencing college women's responses to fertility decision-making vignettes // *Journal of Marriage and the Family.* – 1985. – Vol. 47. – P. 585–596. DOI: <https://doi.org/10.2307/352260>.
40. Guedes M., Pereira M., Pires R., Carvalho P., Canavarro M. C. Childbearing motivations scale: construction of a new measure and its preliminary psychometric properties // *Journal of Child and Family Studies.* – 2015. – Vol. 24. – P. 180–194. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-013-9824-0>.
41. Trommsdorff G., Nauck B. (eds). *The value of children in cross-cultural perspective.* – Lengerich: Pabst, 2005. – 280 p.
42. Zare Z., Saffari E., Tabar R. K. Fertility Motivations and their Relation with Attitude towards Government Incentives for Childbearing in Women of Reproductive Age // *Journal of Mazandaran University of Medical Sciences.* – 2018. – Vol. 28(162). – P. 104–114.
43. Rajati R., Khadivzade T., Esmaeili H., Danesh F. Female or Male Fertility Motivation? Which One Determines the Number of Children? (A Comparative Study) // *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research.* – 2023. – Vol. 28. – P. 144–149. DOI: https://doi.org/10.4103/ijnmr.ijnmr_189_21.
44. Борисенко Я.А. (препринт). Влияние гендерного равенства на рождаемость. – Preprint series of the economic department 0038. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=82790&p=attachment> (Дата обращения: 13.08.2025).
45. Miller A. R. The effects of motherhood timing on career path. *Journal of population economics* // *Journal of the European Society for Population Economics (ESPE).* – 2011. – Vol. 24(3). – P. 1071–1101. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00148-009-0296-x>.

Поступила 10.03.2026

THE PARENTING PROJECT: MOTIVATION, COSTS, RETURN ON INVESTMENT AND THE REGULATORY MECHANISM

R. SARVARY

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

This article analyzes a research gap: the insufficient integration of economic and sociological mechanisms aimed at studying costs in the context of parenthood, as well as the formation of tools for inducing population reproduction. The article demonstrates how the profitability of the "Parenthood" project affects its investment attractiveness from the side of direct participants in the reproduction process (the child's parents). The goal is to identify the economic attractiveness of the "Parenthood" project by calculating the author's indicator - the cost of acquiring human capital (Human Capital Acquisition Cost). Methodological basis: publicly available data sources reflecting demographic and socio-economic indicators at the level of the Republic of Belarus and foreign countries. Results: The "Parenthood" project does not have signs of investment attractiveness due to the long payback period. However, the investment involvement of direct and indirect participants in the reproduction process can be regulated through a high-quality selection of project parameters. The results obtained can be used in the development of family and pronatalist policies, as well as in socioeconomic studies of labor and demography.

Further research requires empirical verification on regional samples, including small economies that are close in socio-economic structure to the Belarusian economy.

Keywords: *population reproduction, reproduction costs, mechanisms of birth induction.*